

Алексей Александрович
Сурков

**«В
землянке...»**

В

**Бьётся в тесной печурке огонь,
На поленьях смола, как слеза,
И поет мне в землянке гармонь
Про улыбку твою и глаза.**

**О тебе мне шептали кусты
В белоснежных полях под Москвой.
Я хочу, чтоб услышала ты,
Как тоскует мой голос живой.**

**Ты сей
Между
До тебя**

Строки будущей популярной песни были написаны поэтом Алексеем Сурковым в домашнем письме жене после трудного боя под городом Истрой в конце ноября 1941 года, когда ему пришлось пробиваться вместе со штабом полка через позиции фашистов...

В марте 1942 года зазвучала на фронтах в землянках удивительно лирическая песня с ласкающими душу словами о печурке и бьющемся в ней огне, искрящаяся теплом любви, верности и надежды. Слова эти были написаны в тревожное время, лихую годину для родины, когда враг в безумном напоре, сосредоточив огромные силы, рвался к Москве.

Советские войска с трудом сдерживали натиск гитлеровцев, изматывая силы фашистов и выбивая их время от времени из захваченных населённых пунктов. И, наконец, 27 ноября 1941 года передовая статья «Правды» отметила, что «Мужественное сопротивление частей Красной Армии задержало разбег фашистских полчищ. Они вынуждены перейти на медленный шаг», а спустя два дня в сводках Совинформбюро появилось долгожданное сообщение об уничтоженной группировке врага в 7 тыс. солдат и офицеров в районе

Как сложилась песня:

Герой Социалистического труда А.А.Сурков вспоминает, что под впечатлением пережитого под Истрой, 27 ноября 1941 года, он написал жене Софье Антоновне Кревс письмо, в котором были такие строки:

*Бьется в тесной печурке огонь,
На поленьях смола, как слеза,
И поет мне в землянке гармонь
Про улыбку твою и глаза.
Про тебя мне шептали кусты
В белоснежных полях под Москвой.
Я хочу, чтобы слышала ты,
Как тоскует мой голос живой.
Ты сейчас далеко – далеко.
Между намиснега и снега.
До тебя мне дойти нелегко,
А до смерти - четыре шага.
Пой, гармоника, вьюге назло,
Заплутавшее счастье зови.
Мне в холодной землянке тепло
От моей негасимой любви.*

София и Алексей Сурковы.

Из воспоминаний Алексея Суркова:

Расскажу историю песни, которая родилась в конце ноября 1941 года после одного очень трудного для меня фронтового дня под Истрой. Эта песня "Бьется в тесной печурке огонь...". Если я не ошибаюсь, она была первой лирической песней, рожденной из пламени Великой Отечественной войны, принятой и сердцем солдата, и сердцем тех, кто его ждал с войны.

Стихи мои "Бьется в тесной печурке огонь" так бы и остались частью письма, если бы в феврале 1942 года не приехал в Москву из эвакуации, не пришел в нашу фронтовую редакцию композитор Константин Листов и не стал просить "что-нибудь, на что можно написать песню". И тут я, на счастье, вспомнил о стихах, написанных домой, разыскал их в блокноте и, переписав начисто, отдал Листову, будучи абсолютно уверенным в том, что хотя я свою совесть и очистил, но песни из этого лирического стихотворения не выйдет. Листов пробежал глазами по строчкам, промышчал что-то неопределенное и ушел. Ушел, и все забылось. Но через неделю композитор вновь появился у нас в редакции, попросил у фоторепортера Михаила Савина гитару и спел свою новую песню, назвав ее "В землянке".

Все, свободные от работы "в номер", затаив дыхание, прослушали песню. Всем показалось, что песня получилась. Листов ушел. А вечером Миша Савин после ужина попросил у меня текст и, аккомпанируя на гитаре, исполнил песню. И сразу стало ясно, что песня "пойдет", если мелодия ее запомнилась с первого исполнения.

Слова Л. СЛАВОВА
Музыка А. ЛЮБИМОВА

В землянке

На восток, в подполье

1. Будет, как в твою, но по чужим долям твоим,
 Ты доведешь, как было, как было, ты. И ты...

...от меня в том, как ты, как ты, как ты, как ты...

...и ты, как ты, как ты, как ты, как ты...

...и ты, как ты, как ты, как ты, как ты...

...и ты, как ты, как ты, как ты, как ты...

...и ты, как ты, как ты, как ты, как ты...

...и ты, как ты, как ты, как ты, как ты...

ИЗДАТЕЛЬСТВО СОС-УНИОН
Москва 1942 Ленинград

Мне - солдату мое!

Будет в твоей песне о том,
 На поле боя слово - как слово,
 И твой мир в землянке перелом
 Про чужие беды и плечи,
 О тебе мне пишут письма
 Из белокаменной страны под Ленинградом.
 Я хочу, чтобы слышала ты
 Как тобою мной полна твоя.

Ты, солдату мое, мое,
 Моем малым миром и светом,
 До тебя мне трудно не легко
 А до смерти не ближе нам.

Той, переломки, вечно не было,
 Давай забавнее своего слова,
 Мне в коллегам землянке твоей
 Об этой неведомой любви.

ф. Савин

24/1 1941.

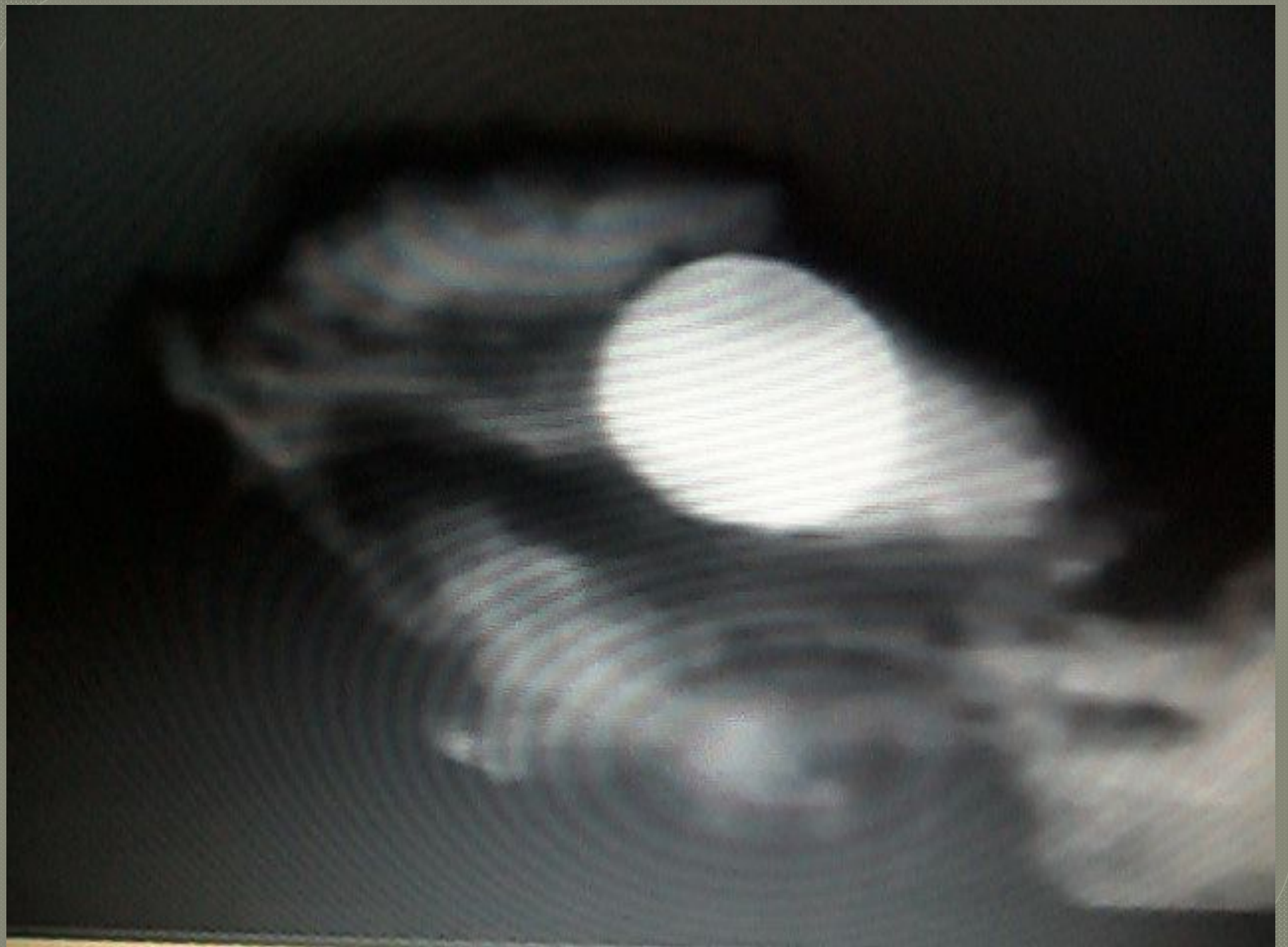
Мед. Кавказ, под Москвой.

Песня действительно "пошла". По всем фронтам - от Севастополя до Ленинграда и Полярного. Некоторым блюстителям фронтовой нравственности показалось, что строки: "...до тебя мне дойти нелегко, а до смерти - четыре шага - упадочнические, разоружающие. Просили и даже требовали, чтобы про смерть вычеркнуть или отодвинуть ее дальше от окопа. Но мне жаль было менять слова - они очень точно передавали то, что было пережито, пережито там, в бою, да и портить песню было уже поздно, она "пошла". А, как известно, "из песни слова не выкинешь".

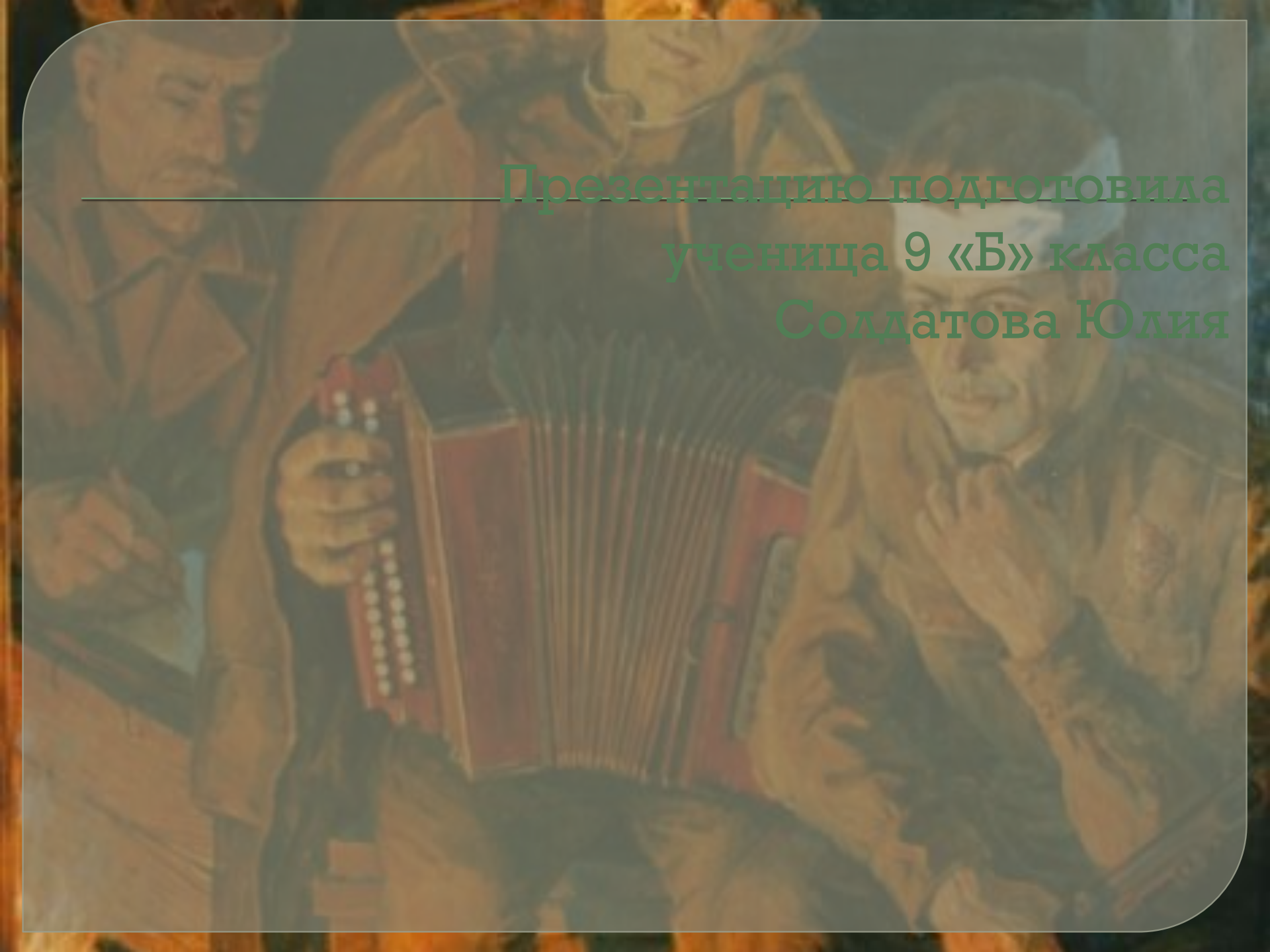
О том, что с песней "мудрят", дознались воюющие люди. В моем беспорядочном армейском архиве есть письмо, подписанное шестью гвардейцами-танкистами. Сказав доброе слово по адресу песни и ее авторов, танкисты пишут, что слышали, будто кому-то не нравится строчка "до смерти - четыре шага".

Гвардейцы высказали такое едкое пожелание: "Напишите вы для этих людей, что до смерти четыре тысячи английских миль, а нам оставьте так, как есть, - мы-то ведь знаем, сколько шагов до нее, до смерти".

Поэтесса Ольга Бертгольц рассказала мне еще во время войны такой случай. Пришла она в Ленинграде на крейсер "Киров". В кают-компании собрались офицеры крейсера и слушали радиопередачу. Когда по радио была исполнена песня "В землянке" с "улучшенным" вариантом текста, раздались возгласы гневного протеста, и люди, выключив репродукторы, демонстративно спели трижды песню в ее поллинном тексте.

A painting depicting a group of soldiers in a trench. The central figure is a soldier in a brown uniform, wearing a white headscarf, playing a red and black accordion. He is surrounded by other soldiers, some looking on with interest. The scene is set in a trench, with a dark, overcast sky and a ground covered in snow or mud. The overall tone is somber and historical.

Презентацию подготовила
ученица 9 «Б» класса
Солдатова Юлия